ЕС, арабские монархии и «не свои» войны

Евгений Прейгерман

Опубликовано на Caliber.az

Резюме

Монархии Персидского залива и страны Европейского союза стали главными заложниками «не своей» войны на Ближнем Востоке. Однако реагируют на эту ситуацию они по-разному. ЕС самое время обратить внимание на внешнеполитическую философию арабских монархий и поискать в ней что-то полезное для себя.

Содержание

1 Когда «не своя» война становится своей
2 ЕС в поиске
3 Монархии Персидского залива: от хеджирования к … хеджированию

Недавние комментарии главы дипломатии ЕС Каи Каллас о взаимодействии с монархиями Персидского залива в контексте российско-украинской и иранской войн отсылают к интересной теме. Как в международных отношениях себя ведут государства, оказавшиеся не по своей воле меж двух (или более) конфликтующих огней? Иными словами, каких внешнеполитических стратегий и соображений придерживаются страны, чтобы минимизировать текущий ущерб и не вляпаться в еще большие проблемы в будущем из-за «не своих» войн и конфликтов?

Когда «не своя» война становится своей

Это не такие простые и банальные вопросы, как может показаться на первый взгляд. И ответы на них совсем не лежат на поверхности. На протяжении истории можно проследить многочисленные примеры внешнеполитического поведения в подобных конфликтных контекстах. Все – со своими нюансами и спецификой. Хотя если проводить их сравнительный анализ и классификацию, то можно вывести буквально несколько базовых стратегий, к которым в рамках любого

конфликта склоняются затронутые им третьи страны. Притом историки и теоретики международных отношений давно не только изучают сами эти стратегии, но и оценивают их успешность в тех или иных условиях.

> Разумеется, никакого чудодейственного рецепта для страдающих от «не своих» войн нет. Их успех зависит от многих факторов: начиная от знания истории и опыта предшественников и заканчивая имеющимися в их распоряжении ресурсами, а также политическим чутьем и просто везением.

Тем интереснее понаблюдать за такими кейсами прямо сейчас, в режиме реального времени.

Как мы уже отмечали, именно страны Персидского залива (в силу географии и союзных отношений с США) и Европейского союза (в силу геоэкономики и также союзных отношений с США) оказались основными побочными жертвами ближневосточной войны. Они первыми столкнулись с наиболее болезненными вызовами этого конфликта и с пугающей неопределенностью относительно его дальнейшего течения. Поэтому их заочный обмен репликами по поводу политики друг друга в контексте войны и, в частности, перекрытия Ормузского пролива выглядит особенно примечательным.

В интервью для CNN верховный представитель ЕС по внешней политике и политике безопасности отреагировала на призывы США и самих арабских монархий проявить большую активность на Ближнем Востоке. Кая Каллас не согласилась с тем, что Евросоюз самоустранился от решения связанных с войной проблем. Однако сразу же провела параллель с войной в Украине и, как говорится, перебросила мяч на сторону партнеров. Она подчеркнула, что для ЕС приоритетное значение имеет российско-украинский конфликт и что «там мы не видели помощи со стороны стран Персидского залива». На этом основании она резюмировала: взаимодействие с монархиями залива «не может быть дорогой с односторонним движением».

У адресатов месседжи Каллас, понятное дело, не вызвали особого понимания. Генеральный секретарь Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива Джасем Мохаммед Аль-Будайви заявил, что отношения с ЕС представляют собой «во всех аспектах дорогу с двусторонним движением». Он также подчеркнул, что входящие в организацию монархии стремятся сотрудничать со

всеми ключевыми столицами мира, включая Вашингтон, Брюссель, Пекин и Москву. И именно это, а не союз с одним из блоков, в наибольшей степени отвечает интересам этих государств.

Такая краткая заочная полемика очень емко отражает различия в мировоззренческих ориентирах и внешнеполитических подходах Европейского союза и арабских монархий. Эти акторы оказались во многом (хотя, конечно, и не во всем) в похожих геополитических условиях, но реагируют на них совершенно по-разному.

ЕС в поиске

Со слов Каллас может сложиться впечатление, что ЕС на самом деле и не сильно страдает из-за ближневосточного кризиса. Настаивая на присоединении монархий региона к позиции Брюсселя по Украине, главный дипломат объединенной Европы рассуждает так, будто блокада Ормузского пролива и другие проявления иранской войны ЕС вообще не касаются. Будто они создают проблемы только для самих стран Ближнего Востока, а европейцы имеют роскошь спокойно наблюдать за происходящим со стороны. И рассмотрят возможность каких-то своих действий, лишь если их об этом хорошо попросят и предложат что-то взамен.

Такое позиционирование, мягко говоря, не соответствует действительности. Из-за иранской войны только энергетические издержки ЕС по состоянию на 22 апреля достигли около 24 миллиардов евро. То есть на кризисном росте цен на энергоресурсы страны Евросоюза теряют порядка 500 миллионов евро в день. И многие европейские функционеры призывают готовиться к еще более болезненным последствиям. Поэтому такая отстраненная позиция главного дипломата ЕС выглядит странно.

> Правда, слова Каи Каллас едва ли достаточны, чтобы делать какие-то выводы о политике ЕС в контексте ближневосточной войны и уж тем более о долгосрочной внешнеполитической стратегии Союза в мире множащихся конфликтов.

Во-первых, такой стратегии у Евросоюза сейчас, очевидно, нет. Многочисленные уже принятые и еще разрабатываемые доктринальные документы не в счет. Их декларативный характер, основанный на ценностных представлениях о себе и

окружающем мире, сегодня не сильно помогает объединенной Европе справляться с реальными вызовами. На фоне проблем, вызванных американо-иранской войной, это проявляется особенно.

Во-вторых, не менее заметны различия и противоречия при поиске ответа на вопрос «что делать?» между разными государствами-членами и даже брюссельскими институтами. Та же верховный представитель ЕС, хотя и призвана по Лиссабонскому договору быть основным голосом Союза во внешнем мире, все меньше воспринимается таковым. В том числе в самом Брюсселе, где она и руководимая ею Европейская служба внешних действий (ЕСВД) столкнулись с нешуточной конкуренцией за право международного представительства с главой Европейской комиссии.

К тому же и зацикленность Каи Каллас на одной лишь России (что в очередной раз проявилось в ее комментариях о взаимодействии с арабскими монархиями) явно не помогает консолидировать внешнеполитические подходы всего ЕС. Даже внутри ЕСВД такая одномерная зацикленность шефа все чаще вызывает раздражение. Как в частной беседе высказался один ее сотрудник, «лучше бы она с таким рвением занималась реальной помощью Украине, с каким пытается везде и всюду продвигать антироссийскую повестку».

> Так что ЕС еще предстоит заняться нащупыванием и формулированием полноценной стратегии в условиях «не своих войн». Учитывая европейскую «разношерстность», этот процесс будет трудным и, возможно, относительно долгим. Но рано или поздно он приведет к каким-то результатам.

Возможно, даже таким, которые позволят Европе в будущем начать восстанавливать исторически привычный ей статус геополитического тяжеловеса, хотя добиться этого будет непросто.

Монархии Персидского залива: от хеджирования к … хеджированию

Не будем дальше углубляться в перспективы европейской внешнеполитической стратегии, так как в последнее время уделяли им много внимания. Более пристально взглянем на другую группу стран, оказавшихся не по собственному желанию напрямую втянутыми в иранскую войну и вынужденных адаптировать свою политику под такие архисложные условия.

Под монархиями Персидского залива понимают шесть государств: Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты. Все они входят в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (Gulf Cooperation Council).

Несмотря на это обстоятельство и массу общего, что объединяет эти страны, их вряд ли можно назвать монолитным блоком государств. Это хорошо видно и по их действиям после начала американо-израильско-иранской войны. Оман, например, старается сохранять максимально открытые и конструктивные связи с Тегераном. ОАЭ, наоборот, занимают наиболее жесткую позицию в его отношении. Действия Бахрейна и Кувейта ближе к ОАЭ. А Саудовская Аравия и Катар придерживаются традиционно нелинейных, кажущихся противоречивыми подходов.

При этом вся группа арабских монархий столкнулась с одинаковыми по своей сути и масштабам вызовами. Помимо очевидного текущего урона их экономикам и безопасности, война создает для них не менее очевидные стратегические проблемы. Некоторые аналитики даже считают, что в результате этой войны *«заканчивается парадигма безопасности, которая доминировала [в регионе] десятилетиями и обеспечивала впечатляющий рост экономик залива»*.

Несмотря на уже понесенный существенный ущерб, Иран демонстрирует управленческую устойчивость и способность продолжать прежнюю военно-политическую линию. Это подразумевает, главным образом, его де-факто контроль над Ормузским проливом, возможности наносить удары по объектам военной и гражданской инфраструктуры (включая энергетическую и технологическую) в странах залива, способность поддерживать в каком-то виде сеть прокси-сил на Ближнем Востоке. На этом фоне война особо остро поставила для арабских монархий вопрос о надежности (и достаточности) американских гарантий безопасности, которые казались региональной данностью со второй половины прошлого века.

В сумме все эти вызовы действительно делают уязвимыми некоторые основы государственного развития и стратегического позиционирования монархий Персидского залива. В частности – их ставку на собственную глобальную привлекательность как финансовых, технологических и туристических хабов.

На первый взгляд, все выглядит так, что складывающаяся ситуация буквально требует от стран региона кардинально пересмотреть свои стратегии в области национальной безопасности и внешней политики. По крайней мере, в отношении американских гарантий безопасности. Притом пересмотр может происходить в

обе стороны: как на снижение военного сотрудничества с Вашингтоном из-за сомнений в надежности его гарантий, так и на усиление плотности такого сотрудничества в надежде повысить вовлеченность США в свои вопросы безопасности.

Однако маловероятно, что монархии региона посчитают такой пересмотр рациональным. Ставка на еще большую зависимость от американских гарантий безопасности выглядит слишком рискованной в условиях зашкаливающей региональной неопределенности и непредсказуемости самих США. А полный отказ от этих гарантий был бы недальновидным, так как им пока нет однозначно надежных альтернатив.

> В этом смысле американо-израильско-иранская война мало что меняет для арабских монархий стратегически. География и стремление не вовлечься в «не свои» войны продолжают диктовать условия.

С учетом этих обстоятельств неудивительно, что даже эскалация ближневосточного кризиса не привела к отказу от их уже привычной и естественной стратегии внешнеполитического хеджирования. Каждое из шести государств залива реализует ее по-своему, однако ее основные черты характерны для всех.

Это снижение рисков неопределенности за счет нелинейности и поддержания внешнеполитической двусмысленности, диверсификации партнеров в регионе и за его пределами, одновременного сотрудничества со всеми заинтересованными, а также максимального развития собственного оборонного и экономического потенциала. На практике это выражается в сохраняющемся интересе к американским гарантиям безопасности и, соответственно, военному присутствию; к интенсивному сотрудничеству с Китаем, Россией, ЕС, а также региональными акторами, такими как Турция, Египет и Пакистан; к ставке на развитие собственного ВПК; и, наконец, к снижению конфликтности с Ираном.

> Отсюда и упомянутая выше реакция генсека Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива на слова Каи Каллас: в наших интересах одновременно сотрудничать со всеми глобальными и региональными игроками, а не примыкать к какому-то из блоков.

Самое интересное, что и Европейскому союзу стоило бы обратить внимание на такую философию внешнеполитического хеджирования и поискать в ней что-то полезное для себя. Потому что стратегических констант, к которым в ЕС привыкли на протяжении многих лет, больше нет. Некоторые структурные условия Европы теперь будут все больше напоминать константы арабских монархий.

Евгений Прейгерман
Директор, Совет по международным отношениям «Минский диалог»